

Вот такой он — одинокий американский мужчина (спектакль «Двое на качелях»)

Говорят, чтобы интервью получилось, надо почти влюбиться в человека, о котором пишешь. Этого актера я полюбила задолго до нашей беседы: «Современник», «Братья Карамазовы и Ад», вместо привычного Игоря Кваси вышел он — Николай Попков — папаша Карамазов — горящие глаза, взъерошенные волосы, душа нараспашку, он так поверил в свою виртуозную ложь, что уже не может отличить ее от правды...

Ирина ГУРЬЯНОВА

В «Современник» он пришел, как, в общем-то, приходил в театр не принято: со служебного входа. Принято с рекомендациями. Он же: «с тупой провинциальностью», для которой не существует закрытых дверей. До этого Николай Попков был ведущим актером Нового драматического театра. Но родным для него стал «Современник».

...Разговор наш начинается, и Николай Попков откладывает в сторону книгу.

— Что читаете?

— «Даму с камелиями». Изучаю постановочный материал — Евгений Колобов, художественный руководитель театра «Новая опера», предложил мне поработать над «Травиатой».

Это их вторая совместная работа с Колобовым, где Николай Попков выступает в качестве режиссера-постановщика. Их творческий альянс уже воплотился в виде оперы «Нескучный сад. Мелодии...», которая с успехом идет сейчас на сцене театра «Новая опера».

Окончив свердловское театральное училище, Николай Попков попал в армию, где... познакомился с Евгением Колобовым — они вместе служили в ансамбле песни и пляски.

Они встретились снова только через двадцать пять лет. Попков успел за это время пожить за границей и вернуться обратно: МХАТ, премьера «Трех сестер», фойе, театальный бонд... Узнали друг друга сразу же. Колобов пригласил боевого това-

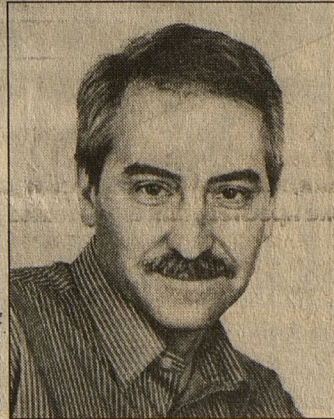

Фото Александра СТЕРНИНА

рища на свой спектакль «Евгений Онегин» и тут же добавил: «Сейчас мы собираемся начать работу над оперой по Тургеневу. Хочешь попробовать себя в качестве режиссера?». На что Попков ответил: «Я ведь могу и согласиться».

— Как вам работалось вдвоем?

— Мне очень нравится работать в тандеме, я люблю «двухместные велосипеды». Есть самостоятельные люди, которым для самовыражения хватает своего внутреннего мира. Мне же надо обязательно с кем-то поделиться.

Не так давно театр Виктюка вернулся из США, где он был на гастролях, о которых почему-то не писали московские газеты. А стоило. Спектакли принимали великолепно: со всех концов Америки в Атлантик-Сити съехались русскоязычные зрители. Виктюк привез

Визави

в Америку два спектакля — «Путаны» с Ефимом Шифриным и «Осенние скрипки» с Алисой Фрейндлих. Партнером Алисы Бруновны по сцене был Николай Попков.

— Если сравнивать Европу и Америку, как бы вы определили каждую из них?

— Знаешь, есть такое выражение «река жизни». Так вот, в Европе главное — берега, а в Америке — поток, эта самая река. Открытием для меня стало существование второго театрального Бродвея. Там находится множество мелких театров, в которых работают безработные неизвестные актеры, режиссеры, драматурги. Они создают спектакли, живущие 7—10 представлений, но в условиях этой жесткой конкуренции рождаются интересные постановки. Я был на репетиции в одном таком театре. Норма существования там — «не спи, художник». Днем эти люди работают, а вечером собираются в театре и делают спектакли. Те, кому везет, прорываются на Бродвей номер 1.

— А наш театр может перенять западную форму существования и стать просто помещением, в котором группа единомышленников делает спектакли на один-два сезона?

— В русском театре такой крайности не может быть. Хотя сейчас

на эту роль... Виктюк действует по принципу летучей мыши: он посылает человеку какое-то излучение и если оно возвращается, то он работает с актером. Другие режиссеры действуют, в общем-то, так же, но неосознанно, а он отдает себе в этом отчет. Очень жалею, что «повисла в воздухе» последняя постановка Романа Григорьевича в «Современнике» «Месяц в деревне».

Николай Попков занят почти во всех спектаклях Виктюка, которые тот ставил в «Современнике». В спектакле «Стена» играл Сережу — молодого героя-любовника. Сейчас в том же спектакле он играет старого армянина.

...А еще он пишет. Живет по упомянутой формуле «Не спи, художник». Возвращается вечером из театра, тихонько проходит на кухню, стараясь не разбудить родителей, и работает до поздней ночи.

Как-то он передал мне свою повесть «Чужая песня» — стопку размноженных на ксероксе листов из журнала. В прихожей несколько листов выпали из папки, я наклонилась за ними, и глаза машинально выхватили несколько строчек... Я так и читала — сидя на полу, не снимая куртки, пока не закончилась эта стопка.

Они были друзьями — Станислав Жданько, актер театра на Таганке —

Николай ПОПКОВ:

Вет. Москва — 1998. — 6 стр. — с. 6

Работать в собственной «могиле» я не захотел

В «Современник» и на «Немецкую волну» его брали без рекомендаций

мы дошли до того, что искусство должно приносить не только удовольствие — за него нужно платить. На Западе, кроме творческих, есть совершенно нормальные коммерческие отношения.

По аналогии: Ветхий завет — это по сути договор: если будешь вести себя так-то и так-то, то получишь то-то и то-то. Время изменилось, и человек стал использовать другой «договор» с Богом — Новый завет. Ну и в искусстве. Волна студийности — это было свежо, ново, мощно. Сейчас жизнь, к счастью или несчастью, стала более раздробленной. Появились «единоличники», которые предлагают что-то новое. Однако в чистом виде у нас не может повториться западный вариант театра, у нас другие ценности, понимаешь? И дело не в завышенности требований. Русские художники отличаются тем, что создают особое энергетическое поле, где главное — вера. Театр в России это в некотором роде священнодействие. У нас актер должен верить режиссеру. Когда человек любит свое дело и получает удовольствие, он как-то забывает о деньгах. Работая, к примеру, у Виктюка, я не спрашиваю, сколько мне будут платить.

Его киносценарий — это тоже рассказ о жизни и трагической гибели друга, талантливого актера Талгата Нигматулина, «пирата XX века», с которым Николай Попков познакомился на съемках фильма «Сергей Лазо».

— Есть такая испанская пословица — кто поклоняется призраку, сам станет им. Это о служении не богам, а идолам. Талгат был членом секты, и его убили по приказанию Учителя те люди, которых он считал своими друзьями.

— Напоминает сюжет какого-то фантастического фильма...

— Понимаешь, у каждого есть своя мелодия. Каждый человек, как хороший инструмент, звучит по-своему, и важно, кто возьмет его в руки и что на нем будут играть. Но мы и инструменты, и владельцы — и скрипки, и Стреливари.

— Сценарий станет фильмом?

— Я дал его Леониду Филатову. Он прочитал сценарий и сказал: «Я буду это снимать». Но Филатов перенес тяжелую операцию... Сейчас он, слава Богу, чувствует себя хорошо, и как будет дальше — это уже зависит от Лёни.

Николай Попков — человек, ко-

торый, уходя, возвращается. Он неожиданно прервал свою актерскую карьеру и занялся журналистикой.

В «Литературную газету» он пришел, можно сказать, почти со скандалом. В «Литературке» опубликовали материал о Талгате Нигматулине. И, по мнению Попкова, некоторые события этой истории были поданы предвзято. Он высказал свои претензии автору материала — известному журналисту Игорю Гамаюнову, который сказал: «А вы можете свои возражения перенести на бумагу?». Вместо того чтобы отделаться от «посетителя», Гамаюнов заинтересовался этим человеком и, более того, отправил в командировку. Так началась работа Попкова в «Литературке».

Несколько лет он занимался криминальной темой: ездил по провинциальным городам, общался с людьми из «глубинки». Его судебные очерки стали известны не только в нашей стране, но и за рубежом. Он первым написал о забастовке тогда, когда их еще в нашей стране «не было». Его материал об агенте КГБ, который «работал» в одной организации, стал настоящей сенсацией того времени.

Но жизнь сделала очередной крутой вираж, и Николай Попков обнаружил себя в Германии.

Его журналистское имя уже было довольно известно, в том числе и за границей, поэтому в Кельн Николая Викторовича без проблем приняли на «Немецкую волну», где он несколько лет проработал редактором отдела политики.

— Сколько вам понадобилось времени, чтобы привыкнуть к жизни на Западе?

— Я прожил в Германии шесть лет и все шесть лет пытался адаптироваться к окружающей действительности. Наверное, я так и не смог сделать этого до конца. Они там считали, что в Москве по улицам ходят медведи, а на самом деле бегали крысы. Из этой «медвежьей» страны я уезжал. А через какое-то время я оказался в крошечном, по размерам — наша деревня, городке Хамм. И когда я увидел там, в этой «деревне», автобус с плюшевыми сиденьями, то понял, что жить здесь не смогу. Еще три момента утвердили меня в этой мысли. Первый — я не мог запомнить, что надо идти по правой стороне тротуара (потому что по левой ездят на велосипедах). Отсюда вытекал второй момент — когда я шел так, как мне удобно, прохожие то и дело отталкивали меня вправо, при этом мне ужасно хотелось вырваться и принципиально идти именно по левой стороне. И момент третий. На «Немецкой волне» у меня была престижная и высокооплачиваемая должность. К слову добавить — журналисты «Немецкой волны» в Германии вообще считаются элитой. Так вот, когда я зашел в предоставленный мне кабинет, который оказался комнатой, где письменный стол занимал чуть ли не половину всего пространства, то коллеги меня поздравили: «Вот здесь ты встретишь свою пенсию... У меня появилось ощущение, что я заглянул в могилу. Многолетний опыт работы в «кухонных» условиях тоже сыграл свою роль: долго работать в собственной «могиле» я не захотел.

Он снова вернулся в «Современник». Галина Борисовна Волчек, художественный руководитель театра, сделала для него редкое исключение (и, кстати, не первое — Николай Попков дважды уезжал в Германию), поскольку актеры, уехавшие из «Современника», как правило, переставали быть «своими».

— Когда я только заикнулся о причинах моего отъезда, Галина Борисовна остановила: «Коля, я все понимаю». И она действительно понимала.

К сожалению, сейчас репертуар складывается так, что новых ролей для меня в родном театре не находится. После возвращения я стал много работать «на стороне». И можно ли меня простить за это, я не знаю...

Попков Николай

06.04.98